

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Слава русского театра

Незабвенный, ушедший от нас навеки Владимир Иванович Немирович-Данченко сыграл в моей жизни огромную роль.

Ещё в 1893 году я, неопытный юноша, пришел к нему в Филармоническое училище, где он был преподавателем по драме. И с той поры я под его крылом проработал с ним полвека, неизменно находя в нем требовательного, мудрого, всегда устремленного вглубь, руководителя и воспитателя, до мельчайших тонкостей изучившего и познавшего тайны нашего трудного искусства театра — и умеющего передавать этот дар другим.

Потери для искусства, для театра огромна. Долг наш — особенно старших товарищей — сохранить память о нем в театре навсегда.

А для этого надо: работая над каждым спектаклем, на каждой репетиции, готовя будущие молодые кадры, непрестанно думать о наших великих учителях — создателях Московского Художественного театра, об их огромных требованиях, прежде всего к себе, к нам, актерам, ко всему театру в целом. Приложим все наши силы к тому, чтобы слава театра и создателей его не меркла.

Вечную память о них можно сохранить для будущих поколений, только держа высоко зная Художественного театра, а с ним — и всего советского искусства.

Народный артист СССР
И. МОСКВИН.

Невозвратимая утрата

Скончался Владимир Иванович Немирович-Данченко. Это громадная потеря для искусства и театра в целом и невозвратимая утрата для МХАТа, горю которого я приношу свое сердечное глубокое сочувствие.

Мои воспоминания о Владимире Ивановиче уходят в далекое прошлое — 70-е годы. Мне было 5 лет, брат — года на три постарше, к нему пригласили репетитором В. И. Немировича, гимназиста 15 лет.

Затем мои первые шаги на сцене театра Корша — 80-е годы: я играл в пьесе Южина и Немировича «Соколы и вороны». В 1888 году я перешла в Малый театр, где еще ближе узнала Владимира Ивановича, автора многих пьес. Его пьеса «Цена жизни» не сходила с репертуара, она давала возможность в полном блеске выказать свои таланты Ермоловой, Саловской, Лешковской, Ленскому, Рыбакову, Южину и другим.

Владимир Иванович состоял членом литературно-репертуарного комитета Малого театра. Его любил и нас.

Смерть Немировича-Данченко обрывает мою последнюю связь с дорогими людьми, на примере которых я росла, училась, формировалась, как артистка. И Владимира Ивановича и незабвенного Константина Сергеевича Станиславского я люблю, как самых близких, дорогих друзей. Оба они были почетными членами Малого театра. С ними кончается одна из последних глав моей жизни... Тяжело...

Утешением является уверенность, что дело их не умрет и будет развиваться во славу и память своих создателей.

Народная артистка СССР
А. ЯБЛОЧКИНА.

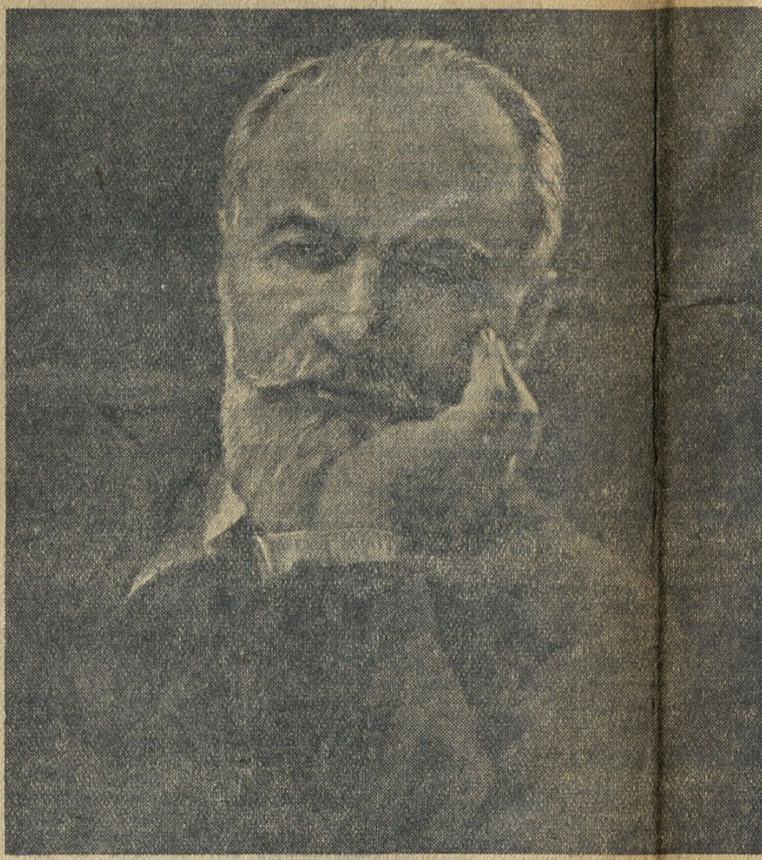
Наш учитель

С огромной любовью, величайшей мудростью и суровой требовательностью воспитывал Владимир Иванович коллектив Музыкального театра в духе неустанной и непримиримой борьбы с оперной рутинной и застоявшейся творческой мыслью. Каждая репетиция Владимира Ивановича была для нас открытием и прекрасной школой не только сцени, но и жизни.

Горячий патриот своей родины, в дни суровых испытаний, нависших над нашей страной, он всегда умел найти верный путь к сердцу человека, пробуждая в нем пламенные чувства любви к своей стране и народу и ненависти к врагу.

Нет слов, могущих выразить всю глубину потрясения и утраты. Но сильнее, чем когда бы то ни было, наше желание не растерять и сохранить вечно юное, всегда ищущее и мудрое искусство величайшего мастера русской сцены.

Народная артистка РСФСР Н. КЕМАРСКАЯ, Заслуженная артистка РСФСР А. ТУЛУБЬЕВА, Л. БЕЛЯКОВА, Заслуженный артист БССР П. ЗЛАТОГОРОВ, Заслуженный артист РСФСР В. КАНДЕЛАКИ, Заслуженный артист РСФСР Д. КАМЕРНИЦКИЙ.

Памяти В. И. Немировича-Данченко

Умер Владимир Иванович Немирович-Данченко — великий мастер сцены, крупнейший режиссер современности, один из основателей прославленного Московского Художественного театра, создатель и руководитель Государственного Музыкального театра.

В. И. Немирович-Данченко был гордостью русской национальной культуры. Его творчество, воспитанное лучшими традициями великого русского реализма, обогащенное передовым мировоззрением, во многом определило, наряду с творчеством К. С. Станиславского, пути советского искусства. От нас ушел художник, революционная творческая мысль которого питала передовой русский театр на протяжении 45 лет и оказала огромное влияние на развитие мирового театра.

Имя Владимира Ивановича Немировича-Данченко было широко популярно и любимо советским народом, который видел в его творчестве образец высокой идейности, строгой выскательности, глубокого и вдохновенного мастерства. Сотни русских актеров в Москве, Ленинграде, в братских республиках воспитаны Немировичем-Данченко.

Театрально-педагогическая деятельность Владимира Ивановича открыла новую страницу русского драматического искусства и прославила имя Немировича-Данченко как главы Московского Художественного театра, созданного им совместно с К. С. Станиславским. Московский Художественный театр стал выразителем идей и настроений передовых слоев русского общества. Его основатели направили русский театр в сторону глубокой содержательности, гуманизма, реалистической простоты и жизненной правды. Борьба К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко с рутинной и штампованной театралью сцены имела глубокие последствия для русского и мирового театра.

В. И. Немирович-Данченко никогда не мыслил театра вне связи с общественной жизнью, со всем развитием национальной культуры и культуры вообще. Он впервые привлек на сцену русского театра А. П. Чехова и А. М. Горького.

Один из крупнейших режиссеров современности, В. И. Немирович-Данченко создал особую, новую школу режиссуры. Он разработал свой метод воспитания актера и решения спектакля, раскрывая в каждой своей постановке идейную, литературно-философскую сущность произведения.

В своих послереволюционных постановках романов Льва Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина» Немирович-Данченко раскрыл всю глубину его человечности и его гнева, обрушенного на государствен-

ные и общественные устои царской России. Он впервые с такой торжествующей силой воплотил на сцене победную революционную мысль Горького («Враги») и строго, светло, окрыленную веру Чехова в лучшее будущее своей родной страны («Три сестры»).

Особое место в творчестве В. И. Немировича-Данченко занимал музыкальный театр. Его он любил глубокой любовью и здесь, в стихии музыки, щедро раскрывал все то, что оставалось еще невыявленным в его прославленных работах в области драматического театра.

В. И. Немирович-Данченко ушел от нас в трудное время, когда наша родина отдаст все свои силы великому делу победы над лютым фашистским врагом. Война застала его в преклонном возрасте, когда по существу, он уже имел заслуженное право на почетный отдых. Но как далеки от отдыха были в эти напряженные месяцы его деятельная мысль, его неиссякаемый, удивительный темперамент.

Во время войны он завершил постановку пьесы И. Погодина «Кремлевские куранты», в которой Художественный театр впервые воплотил на сцене образы великих вождей советского государства — Ленина и Сталина. Работа эта была удостоена Сталинской премии.

В. И. Немирович-Данченко работал буквально до последних дней, совмещая творческий труд с большими, почетными общественными и государственными обязанностями руководителя двух театров и председателя Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы.

Владимир Иванович Немирович-Данченко навсегда останется в памяти советского народа, которому он преданно и честно служил, как выдающийся строитель советской социалистической культуры, как вдохновенный и любимый художник. Его творчество долго будет служить истинным познанию и вдохновению для деятелей советского искусства, беззаветно отдающих свои силы и талант народу.

М. Хранченко, А. Солодовников, И. Москвитин, В. Качалов, М. Тарханов, О. Книппер-Чехова, Н. Хмелев, А. Тарасова, Б. Ливанов, М. Прудкин, А. Грибов, М. Келаров, В. Станицын, А. Константинов, Л. Шаповалов, В. Месхетели, П. Марков, А. Яблочкина, П. Садовский, С. Самосуд, В. Барсова, Ю. Юрьев, А. Покровский, Ф. Бондаренко, Ю. Завадский, Н. Кемарская, П. Златогоров, М. Мельцер, В. Маркичев, С. Образцов, И. Берсенев, Н. Горчаков, Ю. Калашников, В. Виленкин.

Вдохновенный художник

Позапрошлой зимой я наткнулся в старых журналах на рассказы Владимира Ивановича, написанные ещё задолго до рождения Художественного театра. Они поразили меня свежестью, тонким анализом.

Мне стало так ясно, почему именно автор этих рассказов первый, вернее, единственный среди театральных деятелей полюбил аромат чеховской драматургии. Об этом я искренне написал Владимиру Ивановичу и был обласкан его трогательной телеграммой.

Я написал ему ещё раз — большое письмо уже в Москве, послал его неоконченным. А теперь хочется закончить кратко, у гроба Немировича-Данченко.

Дорогой, незабвенный Владимир Иванович! Хорошо умереть молодым в глубокой старости! Какая богатая, славная старость! Как плодотворна твоя жизнь! Как ароматно, вечно твоё искусство, один из могучих создателей великого национального, мирового сокровища — Художественного театра!

Мелькали годы, десятилетия, уже седеют ученики твоих учеников. А твоя душа не седела до смерти. Творил и искал ты с тем же юным вдохновением.

Ты навсегда ушёл от нас, но остался неугасимый творческий дух, остался с нами Художественный театр с его правдой и красотой. Он — наша национальная гордость и сила, наше могучее оружие в борьбе с ненавистным врагом — фашизмом.

К. ТРЕНЕВ.

Мудрый мастер

«Я скоро уйду... в мне хочется передать вам как можно больше из моего опыта», — сказал мне Владимир Иванович в одной из последних бесед.

Он не сказал: «Я скоро умру...» — он не любил этого слова, не любил слова «смерть», потому что весь был от жизни. «Мудрый человек» — это определение необычайно подошло к Владимиру Ивановичу. Мудро смотрел он и на будущее и потому все последние годы думал только о том, как бы передать свой громадный опыт, свои знания, свое умение, свое тонкое мастерство нам, молодёжи. Молодёжь для него были мы — среднее поколение мхатовцев, призванное им же самим в Художественный театр в 1925 году!

Как-то на репетиции Владимир Иванович стал переделывать целую сцену. Мне это не нравилось, я видел эту сцену по-другому.

Владимир Иванович спросил: «Ну, как вы считаете?» Я откровенно ответил: «Мне, Владимир Иванович, не нравится!» — «Почему?» Я объяснил, чего мне хотелось от этой сцены.

Владимир Иванович улыбнулся. «Тогда добейтесь этого от актеров. Задумали вы хорошо, а не добились по-настоящему. Никогда не верьте актеру на слово, добейтесь того, чего хотите», — говорил он мне, — но сделайте это незаметно, так, чтобы актер думал, что нашел это сам!»

Он никогда не умрет для нас, работающих с ним, он будет с нами на каждой репетиции, на каждом спектакле, в любом творческом начинании.

Народный артист РСФСР
В. СТАНИЦЫН.

Совесь актера

Владимира Ивановича Немировича-Данченко нет. Войдя сегодня в театр, я остро почувствовала, кого мы потеряли, как мы бесконечно осиротели.

Ярко стоит перед глазами взволнованное лицо Владимира Ивановича: 18 апреля он просматривал нашу работу «Последняя жертва». Как передать волнение всех нас перед этим показом? Это был наш очередной экзамен. Что скажет, как примет Владимир Иванович?

Прямо, откровенно, глубоко звучит все, что говорит этот огромный художник. Три часа работы без перерыва. Уходящий счастливая: это настоящая творческая беседа.

Два столпа нашего театра — Станиславский и Немирович-Данченко ушли от нас. Театр для Владимира Ивановича был его жизнью, его вдохновением. Владимир Иванович становился молчаливым, когда переступал порог репетиционного зала. Все жизнь буду помнить его незабываемые репетиции «Врагов», «Трех сестер», наши общие искания, иногда споры, — и неустанное движение вперед в нашем искусстве, которое знал так замечательно Владимир Иванович.

Все буду хранить и помнить, дорогой наш учитель!

Народная артистка СССР
А. ТАРАСОВА.

Выдающийся деятель русского театра

Список лауреатов, награжденных в этом году Сталинской премией за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы, начинается именем Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

В. И. Немирович-Данченко являлся старейшим русским искусством, его мудрым и лучшим представителем, хранителем его живительных традиций, зорким и требовательным мастером. Весь его внутренний облик, полный благородства и мужества, давал ему неотъемлемое право на ту огромную роль, которую он играл в русском искусстве. Он нёс в себе строгий художественный критерий, к которому нельзя было не прислушаться и с которым нельзя было не считаться. Далекий от ложных пристрастий, он знал силу искусства и всю свою долгую и неутомимую жизнь посвятил родине и театру, без которого он до последнего вздоха не мог представить себе существования.

Значение его деятельности на театре давно вышло за рамки только режиссуры. Он начал в пору своей молодости как театральный критик, зорко и умно разбирающийся в сценическом искусстве и уже тогда разоблачавший фальшь штампованных театральных подходов, он продолжал как блестящий, тонко понимающий интеллигент и процесс, в ней происходящие.

В своих очерках он внимательно подмечал типичные бытовые моменты современности. С большим накопленным жизненным опытом, он умел проникать в разнообразие и противоречивые изгибы человеческой психологии, он подошел к театру, который стал средоточием всех его творческих запросов и исканий.

Как драматург он затрагивал в своих мастерски сделанных и имевших большой успех пьесах «Цена жизни», «Новое дело» вопросы, волновавшие в то время общество.

Как педагог он воспитал несколько поколений актеров, с благодарностью и вос-

торгом вспоминающих глубину и увлекательную остроту его театрально-психологического анализа.

Как режиссер он в десятках постановок добился блестящей виртуозности, предельной сценической чёткости и большой жизненной правды.

Как театральный мыслитель он, обобщая весь богатый актёрско-режиссерский опыт, неустанно выдвигал перед учениками всё новые и новые замыслы и задачи.

Но дело было не в одной его исключительной разносторонности. Преобразователь русского театра и продолжатель его лучших реалистических традиций, Немирович-Данченко вместе с К. С. Станиславским в момент угрожающего распада театрального искусства, когда волна обязательного безразличия готова была захлестнуть и погубить театр, поднял знамя высокой и строгой идейности, охватив все стороны театральной жизни, начиная от репертуара и кончая актёрским бытом.

Он непримиримо изгонял из театра всё, что искажало благородные черты русского театра любовью и фальшью. Неустанно ревуизуя каждый свой шаг, ни на минуту не останавливаясь, он развивал своё глубокое и сосредоточенное искусство, лишённое внешних эффектов, поэтичное и прозрачное в самой своей основе.

В тяжёлые годы реакции он часто шел против общепринятых тенденций. Он имел мужество отказаться от грибоводской премии за свою пьесу «Цена жизни», если не премия чеховская «Чайка», которую он считал лучшим образцом современной ему драматургии. Он вновь привлек на сцену Чехова, привлёк также Горького, заразив его очарованием театра. Он не позволял опозорить сцену Художественного театра пьесами Арцибашева или Рышкова, победоносно шествовавшими почти по всем предреволюционным театрам.

Внутри руководимых им театров он бо-

ролся с их собственными штампами, разрушая привычное спокойствие и не щадя при этом самых любимых своих актёров и самых признанных актёрских авторитетов. Он ломал застывшую форму оперного спектакля, чтобы донести до зрителя музыку Верди или Бизе в первоначальной чистоте и прозрачности... Он поставил открытки из романа Достоевского «Братья Карамазовы», захватив два вечера, введя неожиданную фигуру тещи и доведя до предела простоту внешнего оформления.

Можно смело говорить о своеобразной школе актёрского мастерства, присущей Немировичу-Данченко, — о тончайших наблюдениях над самым сокровенным существом актёрского искусства, которые он сделал. Незаметно, каждый раз особыми путями он доходил до самой сердцевины творчества актёра, и не было для него большей радости, чем нащупать источник актёрского вдохновения.

С каждым годом он углублял своё понимание актёра, и его идеалом стала мужественная простота. Он был беспощаден к ленивому, хотя бы и талантливому, актёру, живущему поверхностными чувствами, и он был счастлив, когда актёр всю глубину и силу пережитых выливал в простую, чёткую и поэтическую форму.

Он не любил равнодушного зала, и каждая премьера была для него предметом волнения и тревог. Он любил радость театра, встречу актёра со зрительным залом, ту особую праздничность, которая скрывается в настоящем искусстве. Он охватывал театр в целом, начиная от идейного замысла и кончая мельчайшей технической деталью. Каждая постановка была для него работой, в которую он должен был вложить все свое знание жизни, свое сердце, свой ум.

Так возникали в предреволюционные годы такие постановки, как «Юлий Цезарь», в которой он воскресил жизнь древнего Рима; «На всякого мудреца довольно простоты», где он заставил по-новому, зло зауять сатирическую комедию Островского; «Братья Карамазовы», где он довел актёров до подлинной трагической силы.

Но только в период Октябрьской революции — по его личному признанию — он почувствовал полный простор своему твор-

честву, ибо его стремления к высокой идейности театра совпали теперь со стремлением народа. За это время он ставит «Воскресение» и «Анну Каренину», «Блокаду» и «Любовь Яковлеву», «Враги» и «Три сестры» — спектакли, в которых поэтическая и смелая театральная форма неразрывно слита с жизненной правдой.

В эти годы он основывает музыкальный театр, где по-новому решает проблему оперного искусства и создает спектакли, имеющие исключительно важное принципиальное значение («Травиата», «В бурю», «Тихий Дон», «Карменита» и ряд комических опер). В эти годы его взгляды на актёра и на режиссерское искусство получают наиболее законченное и строгое выражение.

Он вводит на сцену молодых композиторов — Шостаковича, Хренникова, Дзержинского, он помогает К. Треневу и Вс. Иванову, он воспитывает коллектив музыкального театра и плеяду молодых советских актёров.

Война не ослабила, а удесятерила его энергию. Во время войны он выступил «Кремлевские куранты», спектакль мудрый и простой, где получили воплощение образы Ленина и Сталина. Он подготовил «Пиковую даму» и «Гамлет», мечтал о новом понимании трагедии.

На его письменном столе сохранились набросанные им в последние дни заметки по «Последней жертве» А. Островского, репетиции которой он только что смотрел. Он считал необходимым напряжение всех творческих сил в дни войны и страстно верил в победу советского народа.

Немирович-Данченко любил жизнь — трудно представить его ушедшим из нее. Рядом с К. С. Станиславским он останется жить в своих спектаклях, в книгах, воспоминаниях друзей-учеников, как символ неутомимо бодрейшей творческой требовательной мысли, как образ крупнейшего русского художника сцены.

Долг всех работников советского театра, а больше всего — воспитанных им коллективов, продолжить начатое им дело с той же требовательностью, какую он предъявлял к искусству.

П. МАРКОВ.